

ЕСЛИ НЕ УРОК, ТО ПРОЕКТ¹

**Л.Г. Фишман,
В.С. Мартьянов**
Институт философии и права
Уральского отделения РАН

Аннотация: *Статья посвящена меняющимся в связи с событиями на Украине мировым реалиям. Авторы отвечают на вопросы: какой урок или проект миру может предложить Россия? Какими ценностями она должна руководствоваться во внутренней и внешней политике? Обосновывается, что ценности во внутренней политике не могут быть в собственном смысле «традиционными». Ценности же, которыми должна руководствоваться внешняя политика, должны обладать значительной степенью универсализма. Россия должна предлагать перспективу, нацеленную на совершенствование мировой системы в сторону её большей эгалитарности и безопасности. Наша страна должна воплощать собой новейшую современность – в ряде отношений более последовательную, справедливую и гуманную, чем западная.*

Ключевые слова: *Россия, модерн, традиционные ценности, капитализм, глобальный порядок.*

В определённых кругах популярны сравнения путинской России с Веймарской республикой, а затем – и с гитлеровской Германией, сбросившей цепи Версальского мира и пустившейся во все тяжкие. Насколько правомерны аналогии – отдельный вопрос. В запале борьбы сейчас все обзывают друг друга фашистами, нацистами, неонацистами, бандеровцами. Главное то, что воспроизводится ситуация, в которой одну страну (и даже национальную общность) пытаются сделать ответственной за все грехи мироздания.

Точнее сказать – за весь ход истории, пронизанной насилием и несправедливостью, которые привели к очередной катастрофе [Ларюэль 2021: 194–216].

Виновницей Первой мировой войны признали Германию и наказали различными способами. В справедливости такого наказания, равно как и в устойчивости Версальского мира, многие сомневались уже тогда – и не только социалисты и марксисты, считавшие войну империалистической и требовавшие мира без аннексий и контрибуций. Жители проиграв-

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», руководитель – академик РАН В.Н. Руденко). Впервые опубликовано: Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 4. – С. 66–85

шей Германии, отнюдь не только национал-социалисты, были солидарны в возмущении тем, что их страну несправедливо наказали за всех, объявив её, в сущности, виновной в несовершенстве мира. Ведь не Германия придумала империализм, расизм, гонку вооружений и колониальную политику. Победители ухитрились смертельно оскорбить и ущемить граждан великой державы. Известно, чем всё закончилось.

Из тогдашней трагедии извлекли, по крайней мере, один урок: не стоит перекладывать всю ответственность на одного, выталкивая его в категорический антагонизм.

После Второй мировой войны капитализму и империализму противостояли Советский Союз и коммунистическая идеология. Но к тому времени противостояние смягчалось рядом общих представлений, касающихся сущности прогресса, гуманизма, базовых прав человека и народов. Поэтому послевоенный мир обустроили лучше, он стал более справедливым, гуманным и предсказуемым, чем довоенный. Так сказать, план Маршалла оказался эффективней плана Дауэса.

Но все уроки забываются, особенно если меняются мировые реалии. После распада СССР и исчезновения баланса быстро обнаружилось: кто сильнее, тот и прав, а обещаниям, не подтверждённым силой, верить не стоит. В мире, где потеряла влияние идеология, согласно которой всякий империализм – зло, одному разгулявшемуся империализму можно противопоставить только другой, когда он наберётся сил бросить вызов. Размышления с отсылкой к упомянутым историческим аналогиям приводит к следующему: если какую-то нацию приходится наказывать после одного проигрыша второй раз, значит, не так хорош был мир, против которого она восстала. Если появилась необходимость в козле отпущения, значит, есть и грехи, которые на него возлагают.

Не проект, но урок?

Западный мир в течение тридцати лет (1990–2020) был основным бенефициаром «конца истории», преподносимого как окончательная победа либерально-рыночных демократий. Дело пытались представить так, будто в глобальном мире осталась лишь техническая сторона развития, а моральный и политический прогресс достиг абсолюта. Однако именно в этот период окрепли военные, экономические, технологические, демографические и ресурсные центры, которые незаметно для западного мейнстрима вышли на соизмеримые позиции в экономике, культуре, технологиях и военно-политической мощи. Поэтому версия новейшей глобальной модерности, всё ещё описываемая как ядро западных либерально-рыночных демократий, стала утрачивать убедительность и привлекательность. Либеральные демократии всё хуже справляются со снижением неравенства и обеспечением интересов большинства даже у себя дома, тогда как извне их начинают теснить новые центры силы.

Всё это предвещает, во-первых, неизбежный передел сфер влияния между глобальными центрами силы, сокращение влияния США и Европы, рост экономических, политических и военных возможностей крупных государств не-Запада. Во-вторых, подъём национализма и возвращение нации-государства как ключевого политического и экономического субъекта, распределяющего ресурсы в конкретном территориальном сообществе. В-третьих, конец рыночной расточительности из-за нарисовавшейся перспективы дефицита доступных ресурсов.

Внимание следует обратить к коммунитарным и эгалитарным принципам как основе эффективного общественного устройства, планомерно-распределительным механизмам в экономике, включая ценностное обоснование. Когда обостряются войны, кризисы и глобальные ресурсные переделы, модели распределения, основанные на рыночных, демократических, корпоративных, индивидуалистических принципах становятся (особенно в государствах-бенефициарах миросистемы) ахиллесовой пятой. Индивидуализм, рыночная конкуренция,

лоббизм интересов частных корпораций оборачиваются негативной стороной по мере того, как обнаруживаются пределы роста, ресурсов и технологий, а тем более истощается природная база. Следствием становится рост популизма, войны меньшинств за привилегии и радикальный передел ресурсов, усугубляющий неравенство. Предпринимаются интенсивные попытки восстановить привычный приток ресурсов уже не рыночными, а политическими и силовыми способами. Это экономические санкции и военные действия, а также ничем не обеспеченные денежные эмиссии, которые возвращаются бумерангом инфляции и загоняют вглубь обострившиеся общественные противоречия и материальный дефицит.

Все предшествующие усилия России по присоединению к политическому нарративу «конца истории» выглядят как попытки пристроиться в конец очереди, ведущей в исторический тупик.

Более плодотворной представляется попытка создать иную версию глобального или позднего модерна, учитывающего фоновые факторы трансформации капиталистической миросистемы.

До сих пор идеологии «конца истории» не найдено альтернативы. Таковыми не являются ни китайский фасадный «коммунизм», ни различные виды консервативной реакции (вроде официозно-российской с её «традиционными ценностями») на остаточный либерализм современного мирового порядка. Критики в определённом смысле правы: России, по существу, тоже нечего предъявить миру в плане социального прогресса. Сегодняшние действия Кремля – естественная реакция с целью ограничить экспансию других великих держав, не заметивших, что она подошла к естественному же пределу. Поскольку СССР рухнул, прежде всего под грузом собственных внутренних противоречий, Запад просто продолжил военное и экономическое наступление. Взаимодействие с другими центрами силы всё чаще стало базироваться либо на подготовке государственных переворотов (Украина, Венесуэла), либо на прямых военных вторжениях (Ирак, Югославия, Ливия, Сирия), либо на создании враждебного пояса стран-лимитрофов вокруг государств, которые в лобовом военном столкновении Запад победить не сможет (Россия, Китай). Парадоксальным образом именно в краткий однополярный период нормативные подходы к международным отношениям уступили место циничному реализму. И нынешняя российская аргументация, связанная с восстановлением достоинства, во внешней политике более убедительна, чем схоластическая риторика о несоответствии России неким понятиям и нормам, которые Запад всегда с лёгкостью отбрасывал, следуя прагматичным двойным стандартам.

О советской альтернативе речи сегодня не идёт. Более уместны суждения в духе: «“Если вас незаслуженно обидели – вернитесь и заслужите”». Сегодня Россия себя чувствует именно так – она вернулась и заслужила. Страна окончательно вернулась к себе настоящей – к великой державе» [Алкснис 2022]. Если военной операции, которую ведёт наша страна, и можно приписать глобальный позитивный смысл, то он остаётся на уровне всё тех же аналогий и исторических параллелей, только с противоположной оценкой: «Россия по ряду причин вступила в борьбу против определённой мировой тенденции, предполагающей, что сложившаяся “евроатлантическая нация” через “евронацизм” оформляет своё положение господства над остальным миром... РФ сегодня ведёт ту же самую войну, которую разрушенный ею Советский Союз вёл в 1941–1945 годах. И она, как и он когда-то, опять прикрывает собой человечество, останавливая экспансию всё того же крупного капитала с его идеей мирового господства» [Черняховский 2022]. Всё сказанное не отменяет того, что мировой порядок в очередной раз оказался не так уж и хорош, а крушить его пришёл отнюдь не рыцарь в сверкающих доспехах.

Россия ведёт войну в первую очередь за самосохранение. И если у неё нет проекта лучшего мира, возможно, как говорил Чаадаев, есть один из тех уроков, которые время от времени надо давать миру хотя бы с целью показать, как делать не надо.

Наказанный и наказывающий – один путь? Западная риторика наказания России гласно и негласно апеллирует к тому, чтобы «вернуть всё как было». Но на деле Запад встал на путь создания порядка, который (это проявилось не сейчас, а в период пандемии) не сводится к возврату потерянного рая.

Западные общества меняются и уже изменились слишком сильно, чтобы второй раз войти в ту же реку. Они всё больше ориентируются на внеэкономические критерии выделения новых социальных классов.

Конфликт труда и капитала перестаёт быть доминирующим способом организации публичной политики и условий коммуникативного консенсуса. Автоматизация и роботизация стремительно девальвируют ценность наёмного труда, который становится всё менее массовым и способным приносить гарантированный доход. Аналогична ситуация со способностью капитала генерировать прибыль, то есть быть расширяющимся ресурсом. Существует долгосрочный статистический консенсус относительно вступления капитализма в фазу стагнации и трансформации, связанной с ослаблением регулятивной роли рынка в производстве и распределении жизненно важных ресурсов. На передний план выходят факторы, которые рыночный мейнстрим относил ранее к архаичным и утрачивающим влияние. Однако именно такие неудобные и забытые критерии и механизмы распределения общественных благ возрождаются: статус, привилегии, рента, членство в особых социальных группах, присвоение государственного ресурса (коррупция) и так далее. Все перечисленные способы доступа и передела ресурсных иерархий имеют внеэкономический и внерыночный характер.

Санкции, наложенные на Россию, резко ударят по потреблению. Но с ним вряд ли будет благополучно и на Западе, на что уже указывает высокая инфляция, рост цен на базовые ресурсы (нефть, газ, удобрения, зерно, металлы) и ключевые потребительские товары (бензин, продукты питания, стройматериалы). Стратегия на сокращение потребления принята давно. Взят курс на строительство зелёной экономики, отказ от одноразовых товаров, бензиновых двигателей. Сегодня это выливается в рекомендации строгой экономии (работа три дня в неделю из дома, отказ от командировок, использование ночных поездов вместо самолётов, езда на общественном транспорте, постепенное избавление от роскоши вроде личного авто [Алифирова 2022], отказ от производства мяса ради радикального сокращения выбросов метана [Глобальное прекращение производства... 2022] и прочую аскезу, соответствующую новой нормальности, установка которой – «я ничего не имею и счастлив». Зелёная экономика в глобальном масштабе объективно ведёт к катастрофе в ряде стран, в частности в Мексике, Алжире или в Нигерии: «Зелёная повестка должна отбросить в далёкое прошлое значительную часть человечества и значительную часть социальных слоёв, нижних, на самом пост-Западе» [Фурсов 2022]. Не говоря уже о той специфической открытости, которую сулит Западу надзорный капитализм и вырастающие из него автохтонные системы, аналогичные китайскому социальному рейтингу [Зубофф 2022]

Необходимость экономии по обе стороны вновь опускающегося железного занавеса приведёт к сродству бытовых практик или, если шире, жизненных стилей. Уже замечено, что, к примеру, российское поколение Z (какая ирония), как и его западные ровесники, не склонны приобретать недвижимость и вообще отягощать себя вещами, равно как общая склонность молодёжи к разного рода коливингам и коворкингам [Радаев 2020]. Не исключено, что новая отечественная реальность в плане такой аскезы будет похожа на западную. И здесь, и там, возможно, установятся варианты полукапитализма-полусоциализма, стейкхолдерского капитализма, рентного общества с существенным самоограничением буржу-

азных элит, второе издание советской псевдосословности – конкретно в России [Фишман, Мартыанов, Давыдов 2019]. К этому толкают как предшествующий ход событий, так и война и санкции, способствующие развалу бывшего глобального мира.

Некоторая часть российского общества хотела бы «вернуть как было» или хотя бы импортозаместить утраченное. Но по объективным причинам это исключено – придётся волею-неволею выстраивать альтернативный образ жизни, прежде всего в потреблении. Отказ от «довоенного образа жизни», вероятно, не станет сокрушительной катастрофой для большинства сограждан. Потеря работы, период перестройки экономики, дефицит действительно необходимого, без сомнений, лишит многих благ. Но для тех, кто и прежде не мог себе позволить лишнего, удар будет менее чувствителен, чем для привыкших к высокому уровню потребления.

Что делать, чего хотеть? Вне зависимости от субъективных желаний рядовых граждан и элит Россия впервые после распада СССР осуществляет самостоятельный стратегический выбор. Он связан со стратификацией российского общества на более эгалитарных началах. Целью является снижение исторической неодновременности и накопленных социокультурных противоречий «разных России» [Зубаревич 2011]. События на Украине открывают перед российским обществом окно возможностей, связанное с настройкой автономной системы идеологических координат и её ценностных обоснований. Уникальность состоит в свободном социальном экспериментировании, когда институциональная инерция закончилась, а прежние идеологические установки перестают действовать, настоятельно требуя выхода из зоны комфорта.

Российское общество, как и в начале XX века, имеет шанс стать политическим авангардом человечества, демонстрируя эффективность альтернативных принципов социального, политического и экономического устройства общества в условиях расколдовывания западного интеллектуального мейнстрима. Структурно ситуация во многом аналогична соотношению ключевых ценностных систем в Европе в ходе Второй мировой войны. На фоне силового перераспределения зон влияния и ресурсов быстрее всех из большой игры были исключены Великобритания и Франция. Оказалось, что они были эффективными акторами рынка и демократии только для своих зависимых колоний, но не для равных соперников. Реальное противостояние развернулось между моделями общественного устройства с сильным государством, плановой экономикой и мобилизационной моделью демократии, тяготеющими к социализму. Это национальный социализм в Германии, корпоративный социализм в Италии и интернациональный социализм в СССР. В итоге в военном противостоянии в Европе победила плановая экономика, способная выживать и реализовывать масштабные проекты в кратчайшие сроки, опираясь на эгалитарные универсальные ценности, разделяемые не только внутри страны, но и во всём мире, состоящем в своём большинстве из людей труда. А в глобальном масштабе верх одержала американская, более эгалитарная, версия либеральной демократии, которая отказалась от наиболее отталкивающих пережитков колониализма и обещала всему миру и всем людям равные свободу и процветание, если только они вступят на путь модернизации.

В нынешней миросистеме в условиях передела глобальных ценностных, экономических и культурных иерархий фоновые тенденции во многом аналогичны. Преимущества за обществами, способными к консолидации вокруг внеэкономических ценностей, готовыми терпеть выход из зоны комфорта и упадок уровня жизни, но при этом демонстрирующими снижение неравенства, подъём эгалитарных и коммунитарных ценностей, без которых большие современные общества невозможны. Это способность жить достаточно автономно от внешнего мира и принимать быстрые решения, готовность к мобилизации и согласие по части сакральных представлений об общей судьбе. В настоящее время в России наблюдается

явный дефицит веры, что элиты и большинство населения находятся в одной лодке и готовы разделить общую судьбу.

Рискнём утверждать, что Россия может использовать нерастроченный моральный и культурный потенциал иначе, чем Запад. Для этого русский мир должен предлагать не проекты, ориентированные только на национальные интересы, но нечто принципиально новое – перспективу для мира и человечества в целом, где отечественная стратегия является лишь составной частью. Перспективу, нацеленную на совершенствование мировой системы в сторону её большей эгалитарности и безопасности.

Формирование подобной позиции предполагает, что в краткосрочной перспективе Россия не всегда сможет поступать эффективно с точки зрения своих национальных интересов. А иногда, возможно, придётся действовать и вопреки. Но стоит ли мерить подобную деятельность только с позиций сиюминутной экономической эффективности? Россия возвращается в мировую политику, но ведущие позиции в ней удастся занять, лишь если экономический и политический вес страны будет мультиплицирован её моральными перспективами, народной дипломатией и культурными связями, меняющими не только отношение к самой России, но и к тому, как вообще можно жить сообща на этой хрупкой планете, полной насилия, войн и невзгод.

Какие (не)традиционные ценности нам нужны? Вопрос о традиционных ценностях как основе современной российской национальной идентичности поднимался неоднократно. И неоднократно это не приводило ни к чему, кроме принятия необязательных к исполнению документов, возмущения, а то и откровенного стёба со стороны части общества. Последним примером такого рода является документ Министерства культуры России [Указ Президента России... 2022]. Он был встречен, с одной стороны, упреками в возвращении чуть ли не советских практик, с другой – циничными замечаниями о том, что весь шум устроен деятелями культуры из-за делёжки средств.

Составители соответствующих проектов не вполне осознают, каких именно целей хотят достигнуть. Они более или менее отчётливо понимают, что в соответствии с конъюнктурой нужно дистанцироваться от широко понимаемого либерализма. Но дальше начинается ряд спорных допущений, и первое из них – фактическое отождествление либерализма с современностью. (Современность примерно отождествляется с капитализмом, который столь же грубо сводится к культу наживы, эгоизму и так далее). В результате задача дистанцироваться от либерализма подменяется и смешивается с задачей дистанцирования от современности.

Составители таких проектов являются прилежными учениками либералов 1990-х гг. и мыслят в рамках либерального мейнстрима в общественных науках [Мартьянов, Фишман 2021: 100–113] В наиболее примитивной, грубо идеологизированной версии этого мейнстрима современности (модерну) противопоставляется традиция, современному обществу – традиционное. Поэтому в поисках альтернативы либерализму не остаётся ничего иного, кроме как апеллировать к традиционному обществу. Но само понимание традиции и её роли в современных обществах изменилось и в рамках принятых обществоведческих подходов. Традицию сначала перестали понимать как нечто застывшее, а затем и вовсе пришли к тому, что она может изобретаться и конструироваться.

Люди, рассуждающие о традиционном обществе и традиционных ценностях, на самом деле ни морально, ни интеллектуально не готовы предложить ценности действительно традиционные. «К числу традиционных ценностей относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопо-

мощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России», – сказано в проекте. Но в перечне предложенных министерством ценностей нет ни одной собственно традиционной, в том числе религиозной.

Ценности вроде патриотизма, гражданственности, гуманизма, несмотря на их кажущуюся естественность и вечность, таковыми не являются. Все они – современные и формируются в процессе изобретения традиции, то есть достаточно произвольного отбора и переформатирования тех элементов прошлого и исторических сюжетов, которые кажутся наиболее подходящими для создания идеологем и мифов на злобу дня. Но даже если добавить в этот список абстрактную веру в Бога или религию, как это предлагал глава синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Владимир Легойда [В РПЦ призвали... 2022], – положение кардинально не изменится. Показательно, что необходимость учёта роли религиозных убеждений в формировании национального самосознания, традиций и ценностей народов России очевидна для представителя церкви так же, как и для представителей Минкультуры, отвечающих за вполне современную область гуманитарной науки.

В перечнях якобы традиционных ценностей мы видим, к примеру, ценность крепкой семьи. Но нет и намёка на её толкование в собственно традиционном духе – например, утверждение какой-то религиозно фундированной версии домостроя с приниженным положением женщины, абсолютной властью главы семейства над детьми и домочадцами. Вряд ли найдётся и много сторонников отмены государственных пенсий под предлогом укрепления внутрисемейных связей. Возврат реальной воцерковленности или общинного образа жизни – задача тоже фактически невыполнимая для подавляющего большинства населения. Резонно предположить, что и в других областях, не только семейной, авторы якобы традиционалистских проектов на самом деле не желают установления по-настоящему традиционной системы.

Почему вообще стало возможным обсуждение вопроса о ценностях на протяжении столь долгого периода? Дело не только в подспудной приверженности таких проектов аксиомам западного обществоведческого мейнстрима. Парадоксально, но проекты появились в период относительно бесконфликтных отношений с Западом, когда был велик соблазн вообразить Россию как подобие огромной Саудовской Аравии. Эта воображаемая страна живёт на нефтяную ренту, кажущуюся вечной, покупает всё потребное на модернизированном Западе и потому может позволить себе строгую приверженность самым незамутнённым традиционным ценностям. Фактически риторика традиционных ценностей выражает подспудное ощущение неполноценности, бытующее в среде элиты. Она, в сущности, отражает бессознательное стремление быть идеальным сырьевым придатком Запада, которому именно по причине «придаточности» слишком уж модернизированные люди в опасных количествах не нужны. Но понятно, что при всех разрушениях в науке, промышленности, образовании, культуре, Россия так и не стала идеальным сырьевым придатком. Тем более ясно это сейчас, когда наша страна железом и кровью пытается вырваться из того болота, в котором она ещё недавно комфортно тонула.

Ситуация, когда была уместна риторика «традиционных ценностей» без её внятной расшифровки, определялась объективным положением России как почти исключительно сырьевой державы, живущей на сырьевую ренту и, кроме сырья, мало что производящей. Элиты этой России могли всерьёз рассуждать о необходимом ей человеке как квалифицированном потребителе в любых сферах, начиная от быта и заканчивая образованием и культурой. Поскольку такой человек-потребитель почти гарантированно был бы плохо образован и не обладал достаточной квалификацией для производительного и творческого труда, в процессе его воспитания можно было бы заигрывать с традиционными ценностями, правда, не перегибая палки в смысле их буквальная конкретизации. Ведь человек всё-таки мыслился как

в первую очередь потребитель, гедонист, что плохо совместимо с всерьёз воспринимаемыми традиционными ценностями в любом их виде.

Необходимость возрождения науки, промышленности, импортозамещение и иные потребности, обусловленные реалиями сегодняшнего дня, требуют воспитания человека продуктивного, творческого, инициативного, действительно образованного, а не обладающего лишь набором компетенций. И это подразумевает как минимум пересмотр прежней практики заигрывания с традиционными ценностями. Более того, апелляция к ним в прежнем духе, когда непонятно, что подразумевается, сегодня будет только глушить инициативу. Невнятные формулировки в области закона или в сфере морали позволяют верхушке шантажировать граждан, поскольку в любой момент законодательные нормы можно повернуть, что дышло. Начальники традиционные ценности понимают как «ценности иерархичности общества и власти, антииндивидуализм, отказ от личных интересов в пользу авторитетов, групп или идей. Связь с некоей идеей в ущерб собственным интересам воспринимается как нечто возвышенное и называется “духовностью”, а общество таких людей оказывается связано “духовными скрепами”, то есть какими-то неписаными правилами» [Руднев 2019]. Также следует пересмотреть практику подвёрстывания в список ценностей всего на свете – от сексуальных аспектов семейной жизни до территорий (Крым) и исторических событий. Это не прибавляет им действительной ценности, что бы под ней ни подразумевалось, зато укрепляет впечатление произвольности и конъюнктурности наборов. Девальвируется любая ценность из этих списков и сам принцип ценности.

Одной из форм воспроизводства современных обществ является в том числе изобретение или реконструкция традиции. Иными словами, без традиции не обойтись. Но надо хорошо осознавать, что ценности без целей не есть нечто безусловное, даже если так может показаться в некоторых случаях.

Ценности выбираются согласно цели, они – суть средства для её достижения. Поэтому надо чётко поставить вопрос: для чего сегодня конструировать (а, точнее – реконструировать) традицию? От ответа зависит то, из чего наша традиция будет состоять.

Более пристальное и рефлексивное обращение к традиции обнаруживает набор вариативных и радикально отличных ценностных констелляций, которые выдаются за то, что существовало всегда. На поверку традиции оказываются лишь характеристиками идеального типа общества, никогда не существовавшего в истории. Этот идеальный тип присутствует в коллективном воображении и риторике вовсе не затем, чтобы быть воплощёнными на самом деле. Опасность традиционных ценностей заключается в том, что они легко превращаются в удобную нишу идеологического комфорта для элит. Любые актуальные интересы всегда можно легитимировать с помощью вариативной выборки идеальных традиций и их интерпретацией от лица воображаемого большинства. Это позволяет элитам опираться на представление о норме как монополии на духовные скрепы, оперируя которыми можно критиковать оппонентов, приписывая им стремление к культурно-историческому экстремизму и подрыву ценностных основ общества. Апелляция к воображаемой традиции также избавляет элиты от решения более сложных и амбициозных задач, связанных с обоснованием более убедительной и совершенной версии модерна, консолидирующей общество, чем у её внутренних и внешних оппонентов.

Традиционные ценности представляют политический порядок и его ценностную иерархию как вечное и абсолютное. Это даёт возможность сдерживать стремление различных социальных групп к переменам, представляя любую критическую рефлексию или оппозиционную активность как деструктивный вызов социально-политическому порядку. Соответственно, в дискурсе властных элит речь может идти только о бесконечной инструментальной настройке традиции, но не её принципиальной критике. Последняя автоматически бросает ере-

тический вызов вере, глубинному народу, духовным скрепам, семье, правильной сексуальной ориентации и так далее.

Цели определяют, какие эпизоды выбираются из исторического прошлого и под каким углом освещаются. Для того ли нам следует изобрести традицию, чтобы начальство в очередной раз получило легитимный повод маргинализировать всех, кто ему чем-то неудобен, или для очередной успешной модернизации, которая, как было давно признано, всегда нуждается в опоре на элементы традиции? Ход событий принуждает Россию как минимум к достижению намного большей экономической и культурной самодостаточности, чем та, что у неё была прежде. Это означает высокую степень мобилизации всех возможностей – и прежде всего человеческих – для очередного рывка. Сейчас Россия не может позволить себе модернизации на костях по петровскому или сталинскому типу. Мобилизовать граждан лучше всего удастся, взывая к их достоинству, желанию продуктивно трудиться, творить на своё и общее благо.

Следовательно, компонентами конструируемой сегодня российской идентичности не могут служить традиционные ценности, понимаемые буквальным образом. Реальный возврат к традиции исключён, потому что своими достижениями современная Россия обязана именно отказу от традиционного общества, от неграмотной русской деревни, живущей тяжёлым и малопродуктивным физическим трудом. Страна, которая, будучи озабочена отъездом ИТ-специалистов, вводит для них льготы, ломает голову над тем, чем заменить находившиеся в лизинге самолёты, обсуждает пребывание в ВТО, не может руководствоваться традиционными ценностями в узком смысле слова. Понятно, что, какая бы традиционная риторика ни использовалась, мы находимся в процессе изобретения традиции, наполняя её актуальным (или требующимся элитам) содержанием. Говорить о России в терминах традиционных ценностей в этой исторической точке – значит, занимать заведомо проигрышную позицию в информационной войне, позицию аутсайдера.

Последовательное противостояние Западу подразумевает деятельное оспаривание западной монополии на современность. Показательно, что едва ли не большая часть предлагаемых нам якобы традиционных ценностей если не бессодержательна, то небесспорна.

Но среди них есть одна, принимаемая подавляющим большинством, – ценность победы в Великой Отечественной войне. И надо помнить, что и в той войне Россия воевала именно за современность против мракобесия и варварства. Мы можем открыто провозгласить и воплощать следующее: Россия и есть новейшая современность – в ряде отношений более последовательная, справедливая и гуманная, чем западная. Не паразитическая, живущая за счёт прямой или опосредованной эксплуатации большей части мира, а динамичная. Она стремится решать социальные проблемы непосредственно, не заменяя их спекуляциями вокруг разнообразных идентичностей, даёт гражданам большие возможности для самореализации (и не только в потреблении, стандарты которого задаются извне), больше бытовой, частной и повседневной свободы. Находит решение проблем не путём слепого копирования чьих-то стандартов, а посредством выработки своих. Как все могли убедиться, формальное введение западных стандартов (что мы видим на примере наукометрии в области науки и образования) превращается в инструмент бюрократического контроля, когда государство выступает единственным европейцем, а воспитуемое им население – внутренними варварами. Что в итоге приводит не столько к улучшениям, сколько к подмене реальных достижений погоней за показателями. Парадоксально, но ограничение влияния зарубежных стандартов может способствовать тому, что Россия в большей степени начнёт соответствовать идеализированному образу Запада, который давно привлекает многих наших соотечественников – в плане культуры, стимулирующей внутреннюю свободу, человеческого достоинства, самоуважения профессионалов в самых различных сферах и так далее. И ценящая

себя при всём уважении к другим, чьё мнение по ряду вопросов если и не полностью безразлично, то имеет значительно меньший вес, чем собственное.

Вместо заключения. Принципы для мира, России и Украины

В плане формирования национально-государственной идентичности российское общество находится в худшем положении, чем украинское. Нынешняя радикальная версия этнонационального украинства сконструирована креативным классом крупных городов. Парадокс в том, что на Украине украинство создавали именно либеральные элиты и креативный класс, а российские как бы либералы русский национализм способны только критиковать, приветствуя любой этнонационализм меньшинств. Наши властные элиты игнорируют дискурс национализма, считая, что он приведёт к росту внутреннего напряжения. И оно действительно растёт, но именно по той причине, что не проговаривается и замалчивается. Поэтому подспудные центробежные тенденции и этнонациональные проблемы территориальной организации государства структурно остаются теми же, что и в СССР, а значит, и перспектива распада России (пусть и крайне малая) не исчезает.

На Украине последователи Бандеры, являясь меньшинством, придумали нацию, отметили иные этноязыковые альтернативы и федерализм как политический компромисс с разнообразием составляющих её исторических территорий и этнокультурных общностей. Текущая версия Украины построена на негативной истории поражений и предательств, начиная с Мазепы и заканчивая Бандерой, Шухевичем и конспирологическими версиями голодомора. Это периферийная и выборочная история всплесков украинского этнонационализма, основанная исключительно на противодействии Российской империи и на русофобии. Однако наивысших успехов в экономическом развитии, территории и масштабах населения Украина добилась в принципиально других политических координатах – в позднем Советском Союзе. Соответственно, историю поражений можно переписать как историю достижений и побед, в том числе в Великой Отечественной войне, которая вряд ли была бы возможна без Украины. Парадоксально, что естественными носителями украинского языка являются жители украинских сёл и деревень, а продвижением языка на уровне государства занялись городские элиты, которые на специфической *украинскости* основали свой привилегированный доступ к статусу, власти, ресурсам.

Российские элиты не могут сконструировать хотя бы гражданский национализм внутри страны, а тем более предъявить его вовне, например, в контексте защиты русских или граждан России на постсоветском пространстве. Отсюда заведомо вторичная риторика предотвращения угроз, связанная с денацификацией и демилитаризацией. Хотя уровень целей и риторики специальной военной операции на экзистенциальном уровне должен быть сопоставим с украинским: «Мы возвращаем свою историческую землю и свои исторические города, мы освобождаем русский народ от репрессивного украинского этнонационализма, мы восстанавливаем русскую культуру, мы спасаем от войны регионы, проголосовавшие за выход из состава Украины». Это означает нарратив возвращения, или освобождения, родной земли, людей, истории, будущего, которое люди смогут сами и сознательно выбрать, вместо случайного государства, образованного вопреки общенародному референдуму 1991 года.

Поэтому хотя бы в плане отношений России и Украины необходим отход от риторики «враг – друг», «мы – они». Она работает только на укрепление сложившихся ограниченных идентичностей и закрепляет воображаемые различия. Необходимы стратегические цели, ориентированные на преодоление подобных оппозиций и фиксирующие потенциальную общность «мы», которая возникает из совместного действия ради общего будущего.

Наивысших исторических достижений Россия и Украина добивались вместе. И, возможно, для Украины это последний шанс стать чем-то большим, чем полупериферийная страна Европы, к которой государства европейского ядра относятся либо как к рынку сбыта, либо как к инструменту давления на Россию.

Интеграция с Россией в этом смысле связана именно с логикой обретения политической субъектности. Важно развивать совместные экономические проекты, общие системы безопасности, инвестиций в производство. Румынии или Болгарии, например, присоединение к Европейскому союзу принесло не экономическое чудо или качественный рост благосостояния, а скорее консервацию статуса европейской периферии и практик двойных стандартов. С точки зрения интересов большинства населения гражданская интеграция без двойных стандартов и разрушение границ между Россией и Украиной имеет принципиально иной характер, объективно способствуя росту возможностей на рынке труда, повышению мобильности, доступу к образованию, возможностям использовать социальные лифты на пространстве, где проживают 200 млн человек.

Для транзитных и лимитрофных территорий подобные переходы в сторону разных центров силы достаточно естественны. За фасадом негативного и неполноценного единства (*не Россия, а Европа; анти-Россия*) оказалось глубоко расколотое общество (архетипический сюжет Тараса Бульбы, где крепкая казачья семья, поддерживающая западный фронт Российской империи, раскалывается внутри себя между полюсами притяжения/соблазна и именно поэтому погибает). Это общество вновь обретает полноценность, лишь возвращаясь в большие внешние иерархии и пространства (Россия, ЕС, США). Тем более что Украина образца 2014 г. была окончательно сформирована лишь в 1956 году. Украинское население в массе трудно обвинять в нацизме, даже если кто-то сочувствует ультранационалистам. Малочисленность последних компенсируется их широким доступом к власти и влиянием на конструирование политической идентичности и приоритетов. Для преодоления российско-украинских противоречий требуется идеологический дискурс со сниженным профетическим накалом, в центре которого – конкретные социально-экономические задачи и принципы их реализации, гарантирующие улучшение жизни населения Украины. Эти планы должны быть открытыми, рациональными и выгодными, позволяющими присоединиться к ним на уровне здравого смысла.

Но прежде нужны убедительные субъектные цели для самой России и обоснование их блага. Причём они не должны зависеть от ситуативных внутренних и внешних контекстов и повесток, а естественно вытекать из социальной и исторической онтологии российского общества. Пока в качестве и рабочего инструмента, и ключевых сакральных понятий «нация» и/или «империя» остаются эффективными. Но для современной России они толком не описаны – непонятно, что такое современная Россия, российскость/русскость, в чём *общее благо* для конкретного территориального сообщества граждан. А если непонятно даже это, что российские элиты способны предложить другим обществам? Православие как критерий идентичности и система ценностей уже не даёт эффекта консолидации. Люди труда и производный от них советский народ? Этот проект провалился на излёте СССР, и, хотя, возможно, он был бы лучшим вариантом, его не воскресить. Классовые нарративы левых идеологий ослабли вместе с экономическим детерминизмом. В результате политические элиты неизбежно приходят к коллективизму как национализму, поскольку нации без национализма не бывает по определению.

Но национализм как форсированный патриотический подъём – скоропортящийся продукт, способный обратиться против тех, кто его разбудил. Рационализация и гражданское заземление национализма подразумевает программу реальных действий элит в интересах большинства, в неё входят снижение доходного, статусного и регионального неравенства,

прогрессивное налогообложение, отмена офшоров, обеспечение эффективного социального государства. И программа эта не может быть заменена отвлекающей риторикой.

Перечисленные меры не должны заслонять видение принципов глобального мироустроительного проекта, исключающего плоское противопоставление по принципу «мы – они», «друг – враг». Вступив в новую эпоху войн и революций, мы не должны забывать о том, что способно объединить сегодняшних врагов (а завтра, быть может, друзей) при достижении масштабных общих целей. Любая война между государствами имеет смысл лишь в том случае, если заканчивается лучшим миром. Возможно, рано или поздно так закончится и разворачивающаяся глобальная гражданская война. Каковы бы ни были разъединяющие человечество причины, следует помнить, что «лишних людей» нет, научно-технические достижения принадлежат всему человечеству, а перспектива политического, культурного, экономического, правового объединения граждан предпочтительнее логики любых преходящих, локальных «-измов» [Мартьянов Фишман 2010].

Алифинова Е.А. 2022. Новые 10 пунктов. МЭА раскрыло как можно снизить спрос на нефть в мире на 2,7 млн барр./сутки за 4 месяца. – *Neftegaz.ru*. – 18.03.2022. – Доступно: <https://neftegaz.ru/news/finance/730593-novye-10-punktov-mea-raskrylo-kak-mozhno-snizit-sprosa-na-neft-v-mire-na-2-7-mln-barr-sutki-za-4-mesya/>. – Проверено: 6.06.2022.

Алкснис И. 2022. Россия сознательно пошла на «адские санкции». – *KM.RU*. – 28.02.2022. – Доступно: <https://www.km.ru/v-rossii/2022/02/27/ekonomicheskie-sanktsii-i-embargo/895713-rossiya-soznatelno-poshla-na-adskie-san>. – Проверено: 6.06.2022.

В РПЦ призвали... 2022. В РПЦ призвали внести упоминание веры в Бога в перечень традиционных ценностей РФ. – *ТАСС*. – 7.02.2022. – Доступно: https://tass.ru/obschestvo/13635713?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referer=yandex.ru. – Проверено: 7.06.2022.

Глобальное прекращение производства... 2022. Глобальное прекращение производства мяса может спасти планету. – *Частный корреспондент*. – 14.03.2022. – Доступно: http://www.chaskor.ru/article/globalnoe_prekrashchenie_proizvodstva_myasa_mozhet_spasti_planetu_47697. – Проверено: 6.06.2022.

Зубаревич Н. 2011. Четыре России. – *Ведомости*. – 30.12.2011. – Доступно: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii. – Проверено: 6.06.2022.

Зубофф Ш. 2022. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. – М.: Издательство Института Гайдара. – 1080 с.

Ларюэль М. 2021. Сам фашист! – *Россия в глобальной политике*. – Т. 19. – № 5. – С. 194–216. – Доступно: <https://globalaffairs.ru/articles/sam-fashist/>. – Проверено: 6.06.2022.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2010. *Россия в поисках утопий*. – М.: Весь мир.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2021. Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима. – *Мировая экономика и международные отношения*. – Т. 65. – № 1. – С. 100–113.

Радаев В.В. 2020. *Миллениалы: Как меняется российское общество*. 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 224 с.

Руднев М. 2019. Традиционные ценности и реальность. – *Ведомости*. – 16.05.2019. – Проверено: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnie-tsennosti>. – Доступно: 6.06.2022.

Указ Президента России... 2022. Указ Президента России «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-

нравственных ценностей». – *Русское Космическое Общество*. – Доступно: <https://cosmatica.org/upload/redactorfiles/Проект%20Указа%20с%20приложением.pdf>. – Проверено: 6.06.2022.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 416 с.

Фурсов А. 2022. Какой мир строят мировые элиты. Три главных удара по человечеству. – *Геополитика*. – 10.01.2022. – Доступно: <https://m.geo-politica.info/kakoy-mir-stroyat-mirovye-elity-tri-glavnykh-udara-po-chelovechestvu-andrey-fursov.html>. – Проверено: 6.06.2022.

Черняховский С. 2022. Святая война. Ленин и Путин. – *КМ.RU*. – 21.03.2022. – Доступно: <https://www.km.ru/v-rossii/2022/03/20/otnosheniya-rossii-i-ukrainy/896269-svyataya-voina-lenin-i-putin>. – Проверено: 6.06.2022.